

обстоятельного разбора вопроса о появлении этой легенды, какой дан хотя бы в работе Шварца, представляется странной попытка Бенье доказать, что среда, обстановка, верования в начале IV в. были таковы, что Константин действительно имел видения.

Самый план изложения материала можно считать систематичным, хотя далеко не выдержанным. Так, глава III носит название «Римская империя во времена Северов» и состоит из трех разделов (государство, общество, религии). Но, во-первых, эти страницы очень часто повторяют то, что говорилось при характеристике отдельных представителей дома Северов, и автор вынужден ставить в примечании: см. выше, страница такая-то; во-вторых, таких общих, систематизирующих глав мы не находим в отношении других периодов.

Работа Бенье является составной частью «Всеобщей истории» Глотца. В какой степени можно говорить о единстве этого издания? Если взять только римскую историю, то каждый том представляет собою отдельное сочинение, не связанное с предшествующими ни общей концепцией, ни планом изложения. Не будем говорить относительно общих вопросов развития римского общества. Возьмем хотя бы вопрос об отношении к античной традиции. Если в томе I Паис, хотя и отказывается от некоторых положений, сформулированных им в предшествовавших работах, все же продолжает стоять на точке зрения гиперкритики, то Бенье принимает за достоверные такие данные, которые отвергнуты исторической критикой. Или, если во второй части тома II Каркопино дает оригинальный взгляд на Юлия Цезаря и работа в некоторых отношениях является произведением полемическим, направленным против Эд. Мейера, Бенье почти нигде не защищает своих точек зрения. В спорных вопросах он обычно присоединяется к одному из мнений, высказанных в литературе.

Подводя итоги, мы должны сказать, что советским читателем книга Бенье может быть использована как работа сводная, дающая важные указания на литературу вопроса и систематизирующая сведения различных источников. Но читатель не найдет здесь даже попыток по-новому поставить те общие вопросы римской истории III и IV вв., какие возникают у человека, занимающегося этой эпохой.

Проф. Н. Машкин

Славянская колония VII в. в Вифинии

Ламанский в специальном исследовании «О славянах в Малой Азии, Африке и Испании» относил появление славян в Малой Азии, по крайней мере, к VII в.¹

Ламанский обратил внимание на то, что некоторые города Малой Азии имеют чисто славянские названия. Славянские наименования городов *Kios* и *Διβουσα* нельзя считать случайным явлением, так как они были расположены в тех местах, где были славянские поселения уже в VII и VIII вв.

Славянское название *Kios* Ламанский выводит из того, что жители его назывались *Kiavoí*, а в древнерусском языке обитатели Киева носили название кияне, которое происходило от слова Кий, а не Киев. Отсюда Ламанский заключил, что *Kios*—слово славянское.

У *Διβουσα*, по его мнению, как корень слова, так и окончание—славянские: Любуша, Любус.

Эти славянские наименования Ламанский указывает не в одной только Вифинии, но и в соседней Пафлагонии; там находилась местность под названием *Ζάφυρον*—по свидетельству Маркиана, *Ζάφετρα*—по Птолемию, *Ζοάφρα*—по Певтингеровой карте, *Ζάφυρα*—по Арриану, т. е. славянская Загора. Для доказательства того, что это сходство не случайно, Ламанский указывает, что в Пафлагонии жили генеты и венеты, а этим именем называли славян в Европе².

¹ Л а м а н с к и й, О славянах в Малой Азии, Африке и Испании, стр. 157.

² Там же, стр. 152—157.

К перечисленным Ламанским славянским названиям местностей в Вифинии можно привести еще новый, дополнительный материал. Документ XIII в. обнаруживает присутствие сербских поселений возле крепости *Μεταβολή* в горах вифинского Олимпа. Издателям документа удалось восстановить название *Servochoria*—«местность сербов». Местоположение крепости *Μεταβολή* указывает писатель Киннам, помещая ее в Мелангиях—местности, которая находилась на большой военной дороге за Никеей к юго-востоку. В этом пункте собирались войска фем Опсикия и Оптиматов.

Второе упоминание о сербах засвидетельствовано в названии Гордосерва. Впервые имя епископа Гордосервы упоминается в подписях Константинопольского собора 680 г. В исследовании Рамсея *Γορδοσέρβων* помещается на месте теперешнего турецкого поселения *Sugut*. По мнению Панченко, вполне возможно отождествить, во-первых, нынешний турецкий *Sugut* с селом или митрокопией сагадаев, о котором упоминает Анна Комнин при описании походов своего отца Алексея, а во-вторых, это село сагадаев с епископией гордосервов.

В славянском происхождении имени сагадаев нет никакого основания сомневаться, так как турки в это время не были туземными жителями в этих местах. Кроме того, известия—одно VIII, а другое XI в.—о местном языке *ἐπιχώριος φωνή* в Никейской области дают возможность строить предположение, что здесь подразумевался язык славянский, так как по среднему Сангарию в отрогах вифинского Олимпа был центр славянских поселений¹.

Ламанскому этот последний материал о славянах в Малой Азии был, вероятно, неизвестен, и свое предположение о ранних славянских поселениях он основывал, главным образом, на тексте краткого жития Климента. Климент, согласно житию, «происходил по своему рождению от европейских мизов, которых большинство называет булгарами. Некогда рукой и властью Александра с Олимпа, что подле Брусы, они были откинута к Северному океану и Мертвому морю, потом через довольно продолжительное время вооруженной силой они перешли Истр и заняли все соседние земли, Паннонию и Далмацию, Фракию и Иллирик и большую часть Македонии и Фессалии. Вот от них-то и произошел этот святой муж»².

Автор приведенного текста, по мнению Ламанского, болгарин, живший в XI в. или в конце X в., рассказал по живым народным преданиям о переходе славян через Дунай и о поселении их во Фракии, Македонии и т. д. Эти народные предания возникли, конечно, за много времени до автора жития и сохранили нам воспоминание о расселении славян.

В тексте этого жития ценно то, что центром славянства в Малой Азии признается местность около Олимпа, что вполне совпадает со всеми остальными историческими источниками. Что же касается хронологии, то в этом случае мы должны быть очень осторожны. Хронология и цифровые данные в подобного рода памятниках редко бывают точны. Автор жития не имел представления о времени поселения славян в Малой Азии и, чтобы показать читателю глубокую давность пребывания их в Вифинии, отнес появление славян там ко времени Александра Македонского.

Все известные нам исторические источники говорят не о переселении славян из Малой Азии на Балканский полуостров, а наоборот, о том, как славяне с Балканского полуострова стали перебираться в Малую Азию. Славяне распространились по всему Балканскому полуострову в таком количестве, что Константин Порфирородный прямо заявил, что «вся страна ославянилась и стала варварской»³.

В VI в. при императоре Юстиниане, по словам историка Прокопия, славяне переходят Дунай и, продвигаясь по Балканскому полуострову, временами угрожают даже Солуни. В дальнейшем их наступление принимает еще более грозный характер. Ценный материал о славянском продвижении дает сирийский церковный писатель Иоанн Ефесский: «На третий год по смерти царя Юстина и в царствование победоносного Ти-

¹ Панченко, Памятник славян в Вифинии VII в. «Изв. Русск. арх. инст. в Константинополе», т. VIII, вып. 1—2, стр. 59—60.

² Ламанский, О славянах в Малой Азии..., стр. 153—154.

³ Const. Porph., De thematibus. Bonnæ, стр. 53.

верия выступил проклятый народ славяне, которые прошли всю Элладу, фессалийские и фракийские провинции, взяли многие города и крепости, опустошили, сожгли, разграбили и завладели страной и поселились в ней совершенно свободно и без страха, как бы в своей собственной. Это продолжалось четыре года, пока царь занят был войной с персами и все войска послал на восток. В это время по божьему попущению они распоряжались в стране совершенно свободно, опустошали, жгли и грабили даже до внешней стены, так что захватили все царские стада—многие тысячи—и стада частных лиц. И вот до нынешнего дня—а теперь идет 895 год (т. е. 584)—они спокойно живут в ромейских провинциях, без заботы и страха, занимаясь грабежом, убийствами и поджогами, отчего разбогатели, нажили золота и серебра и владеют стадами коней и оружием, научившись военному делу лучше самих ромеев. А между тем это были простые люди, которые не смели выходить из своих лесов и не умели пользоваться оружием»¹.

Таким образом, в конце VI в. славяне прочно осели на Балканском полуострове и распоряжались там, как настоящие хозяева. К VII в.—к царствованию Ираклия—академик Успенский относит рассказ об осаде Солуни, помещенный в житии Димитрия.

Византия вынуждена была прибегнуть к дипломатической хитрости, чтобы спасти себя от славян. Со славянами заключается договор, который через некоторое время нарушается Византией. Пребуд, князь рунхинов, был оклеветан солунским наместником и по приказанию императора предательски убит в Константинополе. Рунхины, соединясь с другими славянскими племенами, осадили Солунь, опустошили окрестности и проникли морем до Пропонтиды, собирая везде несметную добычу². Юстиниан I в 687 г., чтобы несколько ослабить славянский натиск на Византию, отправляется походом против славян и часть их поселяет в Малой Азии.

Это переселение было, вероятно, сделано с тою целью, чтобы ослабить мощь славянских поселений на Балканском полуострове.

Первое письменное свидетельство о славянах в Малой Азии относится к 664 г., когда, по словам византийского летописца Феофана, вождь сарацин Абдурахман, сын Халедов, вступил с большими силами во владения римские, провел в них зиму и опустошил многие провинции. Славяне, числом до 5000 человек, присоединились к нему, пошли с ним в Сирию и поселились в области Апамейской, в селении Скевокоболе³.

К числу древнейших поселений славян в Малой Азии принадлежит славянская колония в Вифинии, о которой у нас имеются и литературные и эпиграфические данные.

Юстиниан II, читаем мы у византийского историка конца VIII в. Никифора, направившись войной против славян, дошел до города Солуни и, подчинив себе одни славянские племена силой оружия, а с другими заключив договор, переправил их в область Опсикия, как стала называться при Юстиниане II бывшая Вифинская епархия. Всего переселенных было 30 000 человек, а архонтом у них был назначен Невул из знатного славянского рода⁴.

Приблизительно сто лет спустя опять славяне в количестве 208 тысяч, покинув свою родину, поселились на р. Артане в той же самой Вифинии⁵.

Существование прочно организованной славянской колонии в Вифинии в VII в. прекрасно подтверждается моливдовулом, приобретенным Русским археологическим институтом в Константинополе в 1900 г. и исследованным Панченко⁶. Этот моливдовул принадлежал славянам Вифинской епархии. На лицевой стороне моливдовула импе-

¹ Успенский, О вновь открытых мозаиках в церкви св. Димитрия в Солуни. «Изв. Русск. археол. инст.», т. XIV, 1, стр. 39.

² Шафарик, Славянские древности, М., 1847, т. II, ч. 1, стр. 317.

³ Ламанский, О славянах в Малой Азии, Африке и Испании, стр. 2.

⁴ Nisernori Opuscula historica, ed. C. de Boor, стр. 36.

⁵ Ibid., стр. 68—69.

⁶ Панченко, Памятник славян в Вифинии VII в. «Изв. Русск. арх. инст. в Константинополе», т. VIII, вып. 1—2.

раторское изображение варварской работы. Величина головы не пропорциональна туловищу.

Для нас интересна обратная сторона моливдовула своей надписью: [+] ΤΩΝ ΑΝΔΡΑΣ ΔΟΝΤΩΝ ΣΚΛΑΒΩΝ ΤΗΣ ΒΙΟΥΝΩΝ ΕΠΑΡΧΙΑΣ +

В словах τῶν ἄνδρας δόντων Панченко видит выражение обязанности славян давать государству воинов. Самый памятник, на основании иконографических и исторических данных, Панченко считает возможным совершенно точно датировать 650 г. Эта дата в истории Византии имеет немаловажное значение. К 650 г. Сирия с частью восточной Малой Азии и верхней Месопотамией, Палестина, Египет и часть византийских северо-африканских владений уже были под властью арабов. Главной опорой империи теперь стали Малая Азия и Балканский полуостров. Отсюда становится понятным появление самостоятельной организации среди славян Малой Азии. Империи нужны были воины, и поэтому со славянами пришлось считаться, как с такой организацией, которая может снабжать войском. Славяне получают право иметь свою собственную печать.

А. Вишнякова

Я. И. ГУММЕЛЬ, Раскопки в Нагорно-Карабахской автономной области в 1938 г. Отдельный оттиск из «Известий Азербайджанского филиала Академии наук СССР» № 4 за 1939 г., стр. 77—90, изд. Азфан. Баку.

Научным сотрудником Азфана Я. И. Гуммелем за последнее десятилетие проделана большая работа по изучению далекого прошлого западного Азербайджана, весьма богатого археологическими памятниками.

Работы Я. И. Гуммеля характеризуются точностью применяемых методов раскопок, последовательностью и систематичностью в изучении памятников материальной культуры края.

Рецензируемая статья является только предварительным сообщением о некоторых результатах археологических исследований, проведенных Я. М. Гуммелем в 1938 г. Из упоминаемых в статье объектов особого внимания заслуживает клад, найденный близ сел. Киркиджан, и один курган, вскрытый в том же районе и названный автором «Степанакертским курганом № 103». Клад состоит из различных бронзовых предметов (топоров-секир, браслетов, наварший, украшений) и 6 кг сердоликовых бус. (Клад поступил в Азфан.) Все предметы клада, как и другие вещи из других описываемых памятников, даны в 6 таблицах.

В подробное описание всего материала включены данные о размерах и весе отдельных предметов. Некоторые образцы иллюстрируются аналогиями, к сожалению, не выходящими за пределы западного Азербайджана. Автор делает ссылки либо на собственные работы, либо на работы Реслера. Между тем, осуществляя хотя бы предварительную публикацию столь интересных памятников, автор должен был бы сделать попытку более точного определения их.

От точных датировок автор воздерживается. Он предпочитает пользоваться относительной хронологией, распределяя изучаемые им памятники по типологическим признакам керамики. При нынешнем состоянии вопроса о времени и месте, занимаемом азербайджанскими древностями в общей системе древностей Закавказья (я имею в виду связь закавказских древностей, в том числе и азербайджанских, с памятниками Урарту), подобная осторожность кажется уже излишней. Автор сам лишает себя отправных точек в изучении истории края.

На стр. 80 автор пишет: «Изящно изготовленные изделия найденного клада, в особенности бронзовые, свидетельствуют о значительном развитии и специализации ремесла в определенный период жизни доклассового общества в Карабах» (подчеркнуто мною.—Е. К.). Мы знаем, что этот период